

СПИЧКИ

Вячеслав Ладогин

Спички

«Летний сад»

2011

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

Ладогин В.

Спички / В. Ладогин — «Летний сад», 2011

ISBN 978-5-9857-5423-0

Вячеслав Ладогин – современный поэт и переводчик. Его творчество, как и у всех поэтов, посвящено самой поэзии. Тематика его оригинальных произведений – жизнь во всей своей откровенности, а среди переводимых авторов Пруст и Данте, Ружевич, Милош и Шекспир, св. пророк и царь Давид. Книга «Спички» четвёртая по счёту, включая переводы, книга поэта.

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-9857-5423-0

© Ладогин В., 2011
© Летний сад, 2011

Содержание

Предисловие к следующей книге	7
Предисловие	9
Коробок Чудовской фабрики	9
Настя и ангел	10
Коробок I	11
Саркастичному приятелю	12
Незванный друг	14
Лист	15
«Сайт. Ссылки. Слушаешь муру...»	16
Ноябрь	17
Упованье	18
Снег	19
Зимний букварь	21
Моему портрету	22
Сосновый бор	23
Семечко	24
Дуб и жук	25
«Отпусти, роди, гора, мать-красавица...»	28
Вырица. К отцу. Зима	29
Коробок II	30
Сонет-Сура	31
Над строчкой Пушкина	32
Пьющему собрату	33
«Вот миг, когда порыв внезапен...»	35
Псалом 22 Давида	36
«Вчера стоял у алтаря...»	37
Псалом 41	38
Званский вепрь	40
Гитара	44
Алёшина любовь	45
Коробок III	47
«Мечтал я, Слава Ладогин, дитя...»	48
Послесловие	49
Просека и просинь	51
Карадаг	52
Пастух	53
Сон на Волге	54
Михайлов, Петров, Харламов	55
Руки	59
Пропасть	61
Коробок IV	68
Татьяна-солдатка	69
Как контрактник сошёл с ума	70
Шея	72
Коза Манефа	73
Коробок V	79

Русский плут	80
Вавилонская Давалка	81
Визит аса	83
Бык, Лев, Мартышка и Ёсич Суслик	84
Октябрь	88
Псалом 54 Асафа	90
Четырёхстопный ямб-паровоз	92
Меня поразило лицо Перельмана	93
Вахлак на пепелище	94
Чертополох	97
Неосвящённый кулич	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Вячеслав Ладогин

Спички

Вальс несогласных ямбов

Предисловие к следующей книге

Библия с давних пор именуется «Книгой книг». А в первой ее части, в Ветхом завете существует нечто совершенно особенное, некое духовное сокровище – Псалтирь, собрание псалмов. В этих высочайших поэтических шедеврах содержатся и благодарения Создателю, и хвала Ему, тут и сердечное покаяние, и слезные мольбы, тут и пророчества, и назидания...

И в древние, и в христианские времена псалмы занимали в богослужении едва ли не первенствующее место. По свидетельству летописца, на славянский язык Псалтирь была переведена еще Святыми Кириллом и Мефодием и в последующие столетия стала любимейшей книгой русских людей. По ней учились читать, с ней не расставались в течение всей жизни... В монастырях псалмы пелись не только в богослужебные часы, но и во все прочее время, так как многие иноки знали Псалтирь наизусть.

Начиная с века восемнадцатого русские поэты стали перелагать псалмы на современный поэтический язык. Это продолжилось и в девятнадцатом, среди тех кто отдал дань Псалтири – Алексей Хомяков, Федор Глинка, Николай Языков...

Из поэтов XX века, когда интерес к переложениям Псалтири резко упал, можно отдать должное в полной мере, пожалуй, лишь Борису Садовскому да еще Сергею Аверинцеву, хотя перевод Аверинцева, строго говоря, поэтическим переложением не назовешь.

Отрадно сознавать, что в наше печальное и бездуховное время нашелся стихотворец, который решил последовать примеру старых русских поэтов и обратиться к псалмам. И при том Вячеслав Ладогин совершил своеобразный подвиг – он охватил все псалмы – числом 151!

Если представить себе русскую поэзию, как некое изящное здание, труд Ладогина можно сравнить с прекрасным архитектурным элементом, служащим украшением великолепному сооружению.

Я уже упомянул о том, что в течение долгих веков псалмы были неотъемлемой частью богослужения, т. е. большинство людей воспринимало их, что называется, с голоса. По этой причине решение Ладогина положить свои стихи на музыку и донести их не только до читателя, но и до слушателя – не только правомерно, но и необходимо. Я уверен, что талантливый стихотворец найдет путь к сердцам не чуждых религии и культуре людей.

протоиерей Михаил Ардов

Чашка

*Разбил однажды я фарфоровую чашку
Свою любимую, на мелкие куски,
Как собственную душу. Было тяжело,
Хоть чаю впредь не пей, не сочиняй стихи.*

*Вошла Марина, говорит: «Бедняжка,
Возьми мой клей, для чашек и для ссор
С самим собой он годен в равной мере».*

*Макаю кисть, советщице не веря,
...Целёхонек опять, фарфор стоит,
Фиалка, как живая, и узор
По краю – только сеточкой покрыт.*

*Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей
...И не на чем стать.*

Из Псалма Давида 68.

* * *

*Спички, и марки, и мятые фантики —
Я от души подарил бы их Катеньке.
Ей ни к чему? Ну, и мне всё равно,
Все по одной подожгу – и в окно.*

Предисловие

Коробок Чудовской фабрики

- Дай покоя, Всеблагая!
– Спи, мой свет, покой не про тебя.
Дай же снов мне золотых, судьба,
Дай, прожгу мечты, играя!
- Спи, азарт не для тебя.
– Я
Плох?
– Нет, Славка, ты не плох... другой.
– Я мечтал бы быть твоим слугой!
...Ночь, ответь, от звёзд рябая!
- Не печалься нищим детством,
На, возьми вот, вместо кошелька
Серных спичек
Пол-здесь-коробка
«Чудовских». Ступай. Не бедствуй.
- Ныл я? Нет.
Я жил «по средствам».
Что тут ныть, хоть спичками богат.
Чиркнешь – чудно так они трещат,
Звёзды. Ночь. Горжусь наследством.

Настя и ангел

От одиночества немой, что ни творишь... но мир твой тёмн.
И спичкой чиркнешь, словно с кем заговоришь в вечернем доме,
И зажигается свеча, и разломился луч о мебель,
И – пробуждённый от внезапного луча – цветочный стебель.
Свеча придумывает свет – живое слово, без жеманства,
Луч – ярче пишет, чем поэт, стихи, без прозы, без шаманства.

Пускай зовётся он Матвей, она... пускай зовётся Настя.
Он – муж, отчасти муравей, она дрожит на крыльях счастья
Над жизнью точно над прудом, и ах! – отказывает разум.
Язык не ведает о том, что сетчатым поймала глазом
Стрекозка Настя... Как-то раз она взяла – и в Крым умчалась,
А он лелеял день и час, жизнь студенá ему казалась.

Она звонит подружке – ждёт в субботу... пошучу с Матюшей,
Представь, я в пятницу вернусь, вот удивится-то, послушай!
Идея вызвала восторг, вернулась утром ранним Настя,
И стол был к вечеру готов... на улице октябрь, ненастье,
На кухне свечи... муж идёт, стрекозка прячется за дверку,
Вот ключ в замке, скрип двери, вот явились свечи человеку.

Выходит Настя, как на бал, смеясь, становится с ним рядом...
Оторопев, Матвей стоял минуту-две с недвижным взглядом.
Вдруг – поясной поклон творит он, не здоровается с нею, —
Как ты прекрасен, – говорит, – мой ангел, глядя, пламенею!
Прошло мгновение, два, три, Матвей подругу обнимая, —
Настюша, здравствуй, – говорит, – к нам ангел в гости был, родная.

Коробок I Жар-Птица

Саркастичному приятелю

Всё шутите... мой дорогой,
Что «у меня в душе жар-птица»...
Вольно ж – от Славки отшутиться
Так зло... коль ест не вас – огонь!

...С жар-птицей той, и в остальном
Я прост, как пареная репа.
Стругацкие... орёл дон Рэба —
Читаю повесть перед сном,

Там, в буквах – в решете – блеснёт:
Прощай, жандармы... голубья...
Прощайте, дятлы нефтяныя,
Ты, клюкнутый в драже народ...

Хоть... если бы не птичий жар,
Меня бы вырвало без урны
На отдыхающих культурно,
И я бы чистый стал клошар,

И (ясно дело бы) – утёк,
Где там утечь... «в душе жар-птица»,
Крыло сквозь рану шевелится,
Ал на бумаге – уголёк.

А не крыло б, так отчего ж
Прохладным благородным донам,
Не сесть нам с вами по гондолам?
(Точнее рифму не найдёшь).

Мне б плыть, куда зовёт тоска,
Запретной ясности отведав —
В канал, что ждёт, как Грибоедов,
Балетной тапочки мыска,
И кьянти б пить за микеллин,
Да графов потчевать по фене...
Скорлупки! Крошечные феи!
Гондолы!
Гоцци! Апельсин!

Всё так, всё это там и так...
Но у меня в душе жар-птица.
Щелкунчик, скворушка, дурак —

Мой аватар (в ЖЖ страница) —

...У лукоморья дуб зелёный.

Незванный друг

Приветствую. Полно уж, брось с моим образом говорить.
Я уж лучше свалюсь, как снег на голову... Тут я, здравствуй.
Освободи своё креслице и дай у тебя погостить.
Кипящим чайником – дружески встречу праздной!

Я, скажешь ты, ненадолго? Врёшь, навсегда.
Вода вскипела. А ты, погляжу, не веришь.
Да, очень уж, кстати, ранние холода.
Мне, знаешь ли, некуда. Ты вот как раз и – поселишь.

«Сайт. Ссылки. Слушаешь муру...»

Сайт. Ссылки. Слушаешь муру,
Щёлк! – Джиованни Перголези...
Октябрь. Море поутру
Лежит щекой на волнорезе.

Январь. Ребёнком по двору —
Решётка... кожа на железе.
Октябрь. Море поутру
Лежит щекой на волнорезе.

Мать помню, Летний Сад, игру
С детьми, дубовую кору,
Луч в зелени – слезой в шартрезе.
Кто я? скворец, и не совру.
«Я кто? я Слава... – не умру»...
Октябрь. Море поутру
Лежит щекой на волнорезе.

Мне целых семь, когда в жару
Труба сгорала на ветру,
Мне целых десять... клочья труб,
Труп, парус, джаз и торс... Боргезе
А он, мятежный, просит... тпрр-ру!
Над мышью, канувшей в миру
Октябрь. Море поутру
Щекой лежит на волнорезе.

«Я мышь. Я юркнула в нору»,
– Я, Мышь! – твой мрамор не беру,
Туда, где мох в паху, не лезу,

Над Карадагом, и под ним
Меня устраивает Крым,
Октябрь. Море поутру
Щекой сползло – по волнорезу.

Ноябрь

Серебряно кипит, как в тигле, солнце,
Как мачты, ветер нагибает сосны,
Дождь выставил пять радуг, все поверх
Лесов – потусторонний фейерверк.

...Бунтуется, переживает
Туч море, луч сломивши на весу,
Бессолою слезой оно смывает
Зарю, не жги соринкой смерч – в глазу.

* * *

Пять одиночеств, радуг, крик вороний,
Плывёт Ноябрь, как смерч потусторонний,

* * *

Не хватит пороху, нет сил
На снег – на серебро и позлащенье,
Божественное мановенье.
Сырое око смерча – гладь, тишь, синь...

.....

Упованье

Прорицаете басом – кошмар... беду...
Всё вам прахом, да швах, дрянью-де жизнь – наказанье...
И не вспомните – горюшко с луком – моё!
Есть певучая радость в словце: «упованье» —
Прошуршите свой «Даль» – что имелось – в виду,
Как заветное слово-то произносилось,
У-ПО-(слышно ли, звучно ли?) – ВАНЬ-Е... – НА МИ-ЛОСТЬ.
Освежили? Марш – петь! Уж мне – *вот где* – вытьё.

Снег

Снег... фонари висят в снегу, нарядны,
Прекрасные снежинки ненаглядны,
Разнообразны, колки, кружевны —
Всё – от коклюшек вороты брабантских
С картин, особо же с – флама...испанских.
Мы ждём снегов... не так же, как весны...

Снег, снег мы ждём, ждал мытарь так – прощенья,
Ребёнка – мать, обжора – угощенья.
...В Одессе, Петербурге и в Москве,
В Нью-Йорке... Гриша, правда ль? Ждётся? Вестимо!
Частицы вышины – в ладонь, и мимо.
Сверкают светом, пропускают свет.

Не как весны... смелее жду, и проще,
Как – коммунизма! – снег везде – всеобщий —
Не лист, не почка, и не человек.
Он, снег, любим был девушкой одною,
И зря она не ладила со мною,
Я, как она, влюблён в зиму навек.

И снег люблю, ты тоже, слышу, тоже,
Услышав чужестранный шорох: «Боже»! —
Воскликнет Катя, как дитя, – «Зима»!
А дети из Коннектикута: «Винтер»!
...Пойдём на двор, не позабудь про свитер —
Там снегопад, фонарь, там – синема.

Сквозь снег рябит Гудзон – водою невской.
Айда в кинотеатр на Чернышевской —

В «Спартак»: у них сеанс вечерний – Снег!
Спартак сгорел. Сеанс – не отменяют!
Экран волшебный нас объединяет,
И океан, как третий человек.

И вовсе не изгой мы с тобою,
Скулящие у разного прибора,
Едва слышна команда «Снегопад»,
Нам небо, теща грозную натуру,
Качнёт крылом, посыплет десантуру,
Снег. Парашюты-души нам летят

Спасать – и их число неимоверно.
Они не «вероятно» мне, «наверное»,

Несут победу в тонких кружевах.
Всеобщему крещенью снегом рады,
Мы ждём его, как мытарь ждёт пощады.
Степь дремлет – со звездой в головах.

.....
.....

Ты скажешь: «Слава, лишь октябрь, нескоро
Ещё получит лакомство обжора,
И на столе пока пустой прибор».
А я отвечу: «Друг, не будь зануда!
Я верую в излюбленное чудо,
В наш снежный невесомый разговор».

Зимний букварь

Букварь пронизывает холод,
Дыханья пар от букв идёт.
У «Р» вверху кружок проколот,
Не жабра, не ноздря, не рот,
Но дырка... чувствуешь, как дышит,
Как пора кожи букваря,
Он – лёд живой. Всё говоря,
Про всё молча, слова колышет,
Суши камышные слова
На азбуки краю – морозном.
Как холод жгуч в размахе грозном,
Уже не чувствует трава,
И «Я бывала зелена», —
Жаль, жаль... не шелестит она.

Моему портрету

Неласков, несвеж, неумыт,
Небрит, груб, негож для контакта
С. Ладогин с виду. Внутри ж меня – мирт
Желтеет бутонами. Так-то!

Сосновый бор

Покажется тающим воском
Детство: прошло – взял, позабыл...
Помню, был, был я подростком,
Бор я сосновый любил.

Были и Купера книжки...
Купера книжки прошли.
Жёлтые иглы... шишки,
Солнце до самой земли,

Полосы солнца на хвое
И на сосновых стволах...
Знать, начинает живое
Жить при погасших навеки свечах.

Семечко

На берегу одной реки
Лежало семечко чудное,
Устроенное, как стихи,
И вместе с тем совсем иное.

Смотря сквозь лупу на него б,
Нашёл естествоиспытатель
И шар земной, и лунный кратер,
И вещество живое вод,

И отдалённую звезду,
И Андромедову туманность,
И всякую на свете странность,
Что вовсе и не на виду.

Прозрачным глазом между тем
На воду семечко смотрело,
Внутри ж оно текло, горело,
Летело, попадало в плен,
Освобождалось, песни пело...

И видит – гусь белокрылат,
Нет... ветер вдруг заколебался,
Как некою рукою смят,
И гусь из ветра взял-собрался...

Сел гусь на воду, брызги взбил,
Мотнул главой с неярким клювом,
И в даль речную, не скажу вам,
Куда, сквозь краснотал уплыл.

Смотрело семечко. Вода
Пустой была, как никогда.

Дуб и жук

Теперь вам расскажу, как въехал головой
В дуб – с треском – вековой
Пожарный жук.
Мундир, об острый порван сук,
Теперь стал тряпка.
Прочь откатилась форменная шапка.

Но вот, очнулся Жук-Пожарник, чуть живой,
Увидел ветку над собой,
И с бодуна ли,
Жары вина ли,
Глядит, на ветке доллары растут.
Верней всего, удар мозгов причиной тут,
Тут жук подпрыгнул,
Да китель застегнул,
Жук спинку выгнул,
Да встал на караул.

«Вас, дуб, я за безопасность оштрафую», —
Жук начал речь, жучиную такую, —
Стыд! Рынды нет... должна висеть на ветке,
Срам! Не *ПРОКЛАДЕНО* в округе труб
С водой! Дуб – сразу станете вы – труп,
Когда придут,
И сядут тут
Шашлыкоеды и шашлыкоедки.
В честь этого прошу мне отслюнить
Пол-зелени, чтоб лапку, *ЗНАЧТ*, позеленить
Тут ворон с дуба говорит: «Окстись, пьянчуга,
Здесь толпы недоумков видел я,
Две сотни лет назад здесь хрюкала свинья
В корнях, мы с ней не поняли друг друга,
Свинья была проста, искала желудей,

Чудна мне узость свинских интересов,
Но средь жуков, зверья, меж рыб, и меж людей,
Как ты, тупых я не встречал балбесов,
Ещё никто не назюзюкался столь круто,
Чтоб для него на дубе выросла валюта».
Тут жук продрал глаза, и листья увидал,
Которые за деньги принимал,

И улетел, не вымолвив ни звука
(Спешил подать отчёт
Двум дятлам нефтяным, что друг стучат на друга
Как он, жучок, борьбу с коррупцией ведёт).
А в этот миг
В лесу две сойки жарили шашлык.

.....
.....

Жук улетает,
Русь вся пылает.
Огнём тут вспыхнула и шапка на жуке-
Красавчи-ке, Пожарни-чке.

Несложная мораль видна мне лично тут
Сквозь наши дым да пламя:
Деревья листьями шумят, а не деньгами,
Увы – горят – раз – взятки не дают,

Отчизна спит, вертясь с боку набок.
В дыму – два – дятла нефтяных – без шапок.

«Отпусти, роди, гора, мать-красавица...»

Отпусти, роди, гора, мать-красавица,
Нету силушки, задохся я в кратере.
Человек бежит туда, где спасаются,
Это бегство – от отца и от матери.

Человек бежит туда рыжей лавою,
Где его остудит море горячее.
Мать-гора, ты прозвала меня Славою,
А могла Тимошей, вышло по случаю.

Выше нынешних панов ибн товарищей,
(Им гулять вольно по скользкому погребу)
Отворил бы дверь мне, ветер мерцающий,
Жарким клубом погулял бы я по небу,

Со звездою, точно сын её, спелся бы
Я, прозрачным молоком напоён её.
Вся-то Русь, дву(дятло)главая Персия —
Для звезды – в ручьях и лужах – зелёная,

Или красная поляна, с застывшею
Магмой, ставшею для ветра игрушками,
Где-то там гора, меня отпустившая,
...За года торговля в рощах с кукушками:

«Ты ещё ку-ку добавь, ты не жмись-давай,
А не хочешь, поджидай покупателя»...
А кукушечка: «Живи уж, неистовый»...
Только всё это – до лавы, до кратера,

До горы и до звезды с пуповиною,
И до обморока млечного, звездного.
Кабы ведать, что живя, весь остыну я,
В неземного превращусь, в несерьёзного.

Вырица. К отцу. Зима

Печатью в снегу – голубая тень —
В ранних сумерках вечерних.
Боюсь, не утопну ль я – в темноте,
Как лодочник, чей блиц-финал
Ты предсказывал, грустный Генрих
Гейне, когда меня в детстве знал.

Там, за углом – певучий вздох —
Перед немецким вытьём овчарки.
Сейчас раздастся хриплый брех...
И вдруг навстречу моргнёт фонарь,
Коснувшись золотом сетчатки.
Морозный воздух. Вполнеба хмарь.

«Как поживаешь к январю,
Отец? Пустынно кругом, сугробы», —
Молчу, глазами говорю, —
«Ты знаешь, ведь негоже пить
До полусмерти!» – «Ещё бы». —
Скажет взгляд, – «А как тут быть»?

«Этого я не знаю сам»... —
И о погоде помолчим,
Как помолчали про запой мы.
Хрипит овчарка. – «Чаю, сын»? —
Раскусим карамель с тобой мы,
Пока ещё вдвоём,
Так – каждый – не вполне один.

Коробок II Отечество нам Царс – три слога – ло...

Сонет-Сура

Когда придёт к нам кара легкокрылая,
Перстами щедро участь раздавая,
Как мне увидеть смерть воочью, милая,
Кто ангелов мне возвестит, родная?

Так моль сквозняк смахнул свежайшей силою,
Как мир людской замечется, порхая.
...Ни гор не пощадит уборщица унылая,
Их, как отрезанные косы, выметая.

Рука с весами в меру тяжкой горечи
Воздаст своим любимцам милой вечностью.
Иное – сонмам лёгкой, страстной сволочи,
Рождённым бездной-матерью – возлечь им с ней!

Кто бездну эту возвестит мне, милая?
Гнев жаркого огня своей ревнивой силою.

Над строчкой Пушкина

О-те-чес-тво нам Цар-ское се-ло.
Поспоришь разве? Жаль, что... слишком звучно.
В парк многим и зайти не повезло,
Другим же зябко, и... здесь очень скучно,

Невежда задушил, экскурсовод
Несчастный слух мой. Грязь. Не до природ:

В гниющий пруд летят сплошные капли
Некрупной мороси. В немых садах
Листы, преснея сыростью, набрякли,
.....
Картавит ложь ворона в проводах.

А всё же здесь – отчизна мне. Пройду
С Мариной под руку назад-вперёд по парку.
Кто ж песен не поёт – ни холодно, ни жарко
Ему в Селе, где все сгорали на ходу.

Пьющему собрату

Знаешь: «Гордость, хоть плачь, – не в спирту же – топить...
Так что, – «полно Прыщом быть, с кашлем – горькую пить».

«Ты-то... сам-то... кто»? – хмыкнешь, – «что ж... стоик»?
«Я-то?.. Вряд ли... вот, только – на жалость давить – на Руси
Стоит разве»? – сердечного Бога спроси,
Как Бог скажет: «Хнычь пьяно»? – ... Или же, – «не стоит»?!

Скажет: «Гордость, хоть плачь, – не в спирту же – топить...
Скажет, – «полно Прыщом быть, с кашлем – горькую пить».

Разве ж – горлом хрипя-в-перемать, доползая
Злой свиньёю, обрюзгшей, до ватерклозета? —
Разве –дохать истошно – забота поэта?
Или ж – с кофеем валокордины глотать...

Дурь, товарищ. Дурь – зряшно – за гоно́р держаться.
Хва! Брось, лучше! Плюнуть – тонка аль кишка? —

Пусть всем горе!.. Да стоит ли – столь упиваться
Мягкой, скользкой, да пьяною, – судьбой слизняка?
Что? Не гадко ль – всей печению кашлять натужно
Плюс – молясь (через слёзы): «Спасительный спирт»... —
Может, спишь, так проснулся б – друг ситный, твой – стыд?
Шепчешь: «Боже, уже и не нужно»! —

Брось-ка, знаешь ли, брось-ка-брось пить.
Гордость, батенька, не утопить.

«Вот миг, когда порыв внезапен...»

Вот миг, когда порыв внезапен —
Сказать: «Продлись! Как хорошо»...
Zum Augenblicke dürft' ich sagen:
Verweile doch, du bist so schön!

Псалом 22 Давида

1. Царь мой и – Отец – меня
Пас, как я – стада в полях,
2. Породил мне в небе Бога,
плоть – на тучных берегах.

Припев:

Голос мой – чужестранец,

Земля эта мне так чужда.

Не скрывай тайн пресветлых от сына, святая Звезда!

3. Чтоб Святое славить Имя,
Сердце мне Ты воспитал.
4. Рви, мол, тропами моими,
Сын мой, Клевер до-сы-та.
5. Мне ль робеть, Отец? – Иду я
В кровь и в смерть – среди теней,
6. Чую нечисть!.. в ус не дую: Царь с душой един – моей.
7. Стол для трапезы накрыл мне
Ты у вражеских шатров.

Маслом кудри умастил мне,
Дал мне – братину пиров:

Припев:

Пьян напьюсь высокой силы —

Тут, Отец, не до могилы.

8. С сыном добр, к ягнёнку – нежен,

Следуешь, мой Гром, за мной.

Будет долгий век утешен,

Добрый сын, ягнёнок твой!

Как забыть, что время длится

Как навеки в Храм – вселиться?

Припев:

«Вчера стоял у алтаря...»

Вчера стоял у алтаря,
Был голос вот таков:
– Я, Ладогин, не смертных, я
Сужу – временщиков.

Сверкает яблоком земля
Сквозь глубину веков.
Я, Слава, не людишек, я
Сужу временщиков.

Сын, люди что? Вода ручья:
Плеснул, и был таков
Их век... и как... судить их? Я
Судья временщиков.

У тех – сердца и дух репья,
Всю ж сорную траву
Из гряд пропалываю я,
И всё спалю, что рву.

Псалом 41

1. Как жаден рот оленя до воды —
До родниковой – мне напиток нужен – Ты.

2. Желание души – предстать перед Тобой,
Дух крепкий, Гром живой. Бог! Царь! – хочу домой!

Припев:

*Вот тогда дам ответ я любому, кто посмел клеветать на меня,
Потому что верую в Слово, что оно – вся опора моя.
Верю! Не отнимай же способности языка
Твоё слово сказать,
Потому что не вижу доблести выше, чем на суде мне
Предстать.*

3. Слезой солёной жажды не уймёт олень:
«Что ж Бог твой? оплошал?» – Вопят, кому не лень.

4. Себе шепчу и сам я – жалобно теперь,
Что скрыт от взора путь в селения чудес,
Где Ты, Отец... И что не смог сыскать я дверь,

Где песен звучных ликование – до небес.

Припев:

5. Да как ты смеешь горевать, душа моя?
На Небо уповай, и слёз не лей, не смей!

6. Ты слушай, как молюсь я, с Небом говоря
И о лице своём, и о душе своей.

Припев:

7. Как – ртом оленя, не касаясь до ручья,
Душа, ты сохнешь!..
Пойте, память, кровь моя!
От Йиордана до Йермониима
И Малых гор одно Грохочет имя.

8. Слуга Твой водопад, гудя, гремя с высот,
Друг бездны бездну по соседству он зовёт,
Рокочут надо мной валы, их свист, и пена...

9. Царь! спас Ты днём меня от ужаса их плена,

Припев:

Бог! В ночь – Тебе псалом я складываю в дар,
Ты – жизнь моя.

10. Ты Спас... но для чего тогда
Забыв я, плачу я, растоптанный врагом?

11. Насквозь я заболел... Они ж вопят кругом:
«Что ж твой Отец, ха-ха»... Как сердцу срам снести?

12. Не смеешь ты, душа, скорбеть! Ликуй! Лети!

Смушеньке позабудь, о небе только пой:
Спаси лицо, мой Боже!.. душу, Боже мой!

Припев:

Званский вепрь

Под выступ Дымненский пришли в 42-м —
В окрестности деревни Званки,
Где крепко сел фашист на берегу крутом:
Рискни ж ты, двинь по склону танки...

Слюной заклеил козью ногу из махры
Сержант Сан Маркыч Сухоруков.
В берёзках светлые Денискины вихры
Увидел, хмыкнул. Море слухов

Он слышал про юнца: де ссохлась по нему
Дочь сторожа кладбищенского Ксения,
И Танька, медсестра, хотела про лямур
Дать отроку урок на сене,
Да из сарая шкет умчался, как стрела —
Смешно. Сан Маркыч сплюнул громко.
Мальчишка вынырнул как раз из-за ствола —
Орлом... без складки – гимнастёрка!

Робеет: «Разрешите мне, товарищсержант...
Пойти, что ль, подстрелить дичины,
Тут где-то кабаны, во взводе говорят».
– Так – кабаны там?... не дивчины?

Идите, рядовой. – И вмиг боец исчез.
Сержант пробормотал: «Мальчишка...
Эх, каб я до войны на Людку чаще лез,
Так был бы сын, а вышло вишь как».

В обед сварили щец. Вдруг Танька, медсестра,

Бежит из лесу, спотыкаясь:
«Убили Деньку»! – «Кто?» – «Кабан» – «С ума сошла»? —
– «Крест истинный: задрал мерзавец,
Страх! Пол-лица сгрыз вепрь»... Защёлкнувши ремень,
И вскинув на плечо оружие,
Сан Маркыч двинул в лес в пилотке набекрень,
Сказав бойцам: «Всё сам. Не нужно».

И схоронил сержант бойца у двух берёз,
И полукругом здесь же прямо,
Лопатой, не спеша, без мата и без слёз
На зверя вырыл за ночь яму,
И на второй уж день поймался в яму вепрь,
Пришедший закусить солдатом.

«Привет», – сказал сержант в пилотке набекрень,
Пощёлкивая автоматом,

И вдруг задумался Сан Маркыч. Сев на пенёк —
Лицо в ладони, молчаливый...
И страшно застонал, да так, что в темноте
Всю вздыбил вепрь на холке гриву.

И тихо вепрю вдруг Сан Маркыч: «Что творишь?
Ты ж, свинтус, что творишь, засранка...
Как матери бойца писать, не объяснишь? —
Смерть – не под гусеницей танка,
Смерть под свиньёй, свинья! Не хрюкай. Цыц.
Не мог удрать. Убил ребёнка.
Мы ж земляки с тобой. Кругом нас душит фриц.
А ты... ты жрёшь своих, свинья ты тушёнка.

Я, кстати, грузинский, на фабрике трубил,
И делал спички (между строчек),
А помнишь, как голы Копчёный Колька бил:
В девятку, в крестик, в уголочек.
Ты знаешь Грузино? Тут восемнадцать вёрст,
Считай, со Званкой вовсе рядом,
Кого ж ты, гадкий хряк, спровадил на погост?
Грызть надо рожи – фрицам, гадам.

Меня сюда возил учитель сельский аж,
Рассказывал: здесь жил Державин,
Татарский, вроде сын, а дух имел он наш!

А ты, что, свинтус, за татарин?
Не зыркай на меня из ямы, поросё!
Не зыркай на меня из ямы!
Здесь жил Державин! Сам тут, сам ты родился!

Что напишу в письме для мамы?!

Я выучил стихи: «...засохнет бор, и сад,
Не вспомнится нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дулл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки».
Державин сочинил, и вот пришёл фашист
На новгородчину, на Русь родную.
Ах ты, кабан, увидь картину, оглянись,
Башку повороти свиную!

Пошёл отсюда вон! И чтоб ты мне – воздал
Вдесятеро за кровь Дениса,
Долг за тобою, вепрь» (мой вепрь тут будто вял,
И присмирел, и подчинился),
И, вызволен, Сан Маркыч в ночь подался, вплавь
За Волхов, в Званку, где Державин:
Всё путалось в глазах: фронт, детство, сны и явь,
Взял фрица в плен и... обезглавил.

Там замер мой сержант, где почву вымыл дождь,
И вдруг нагнулся деловито,
И поднял из песка старинный чей-то нож
Так бережно, как меч Давида.

И всё. Потом пошли под Дымненским бои,
Средь ста смертей одна забылась,
Лишь медсестра цветы в Денисовой крови
Хранила в книге, не ленилась,
Да фрицы опасались, что в лесах
Есть кто-то (русский, вероятно),
Кто резал их, и рвал при том на клочья, как
Зверь. Было так десятикратно.

...В том ноябре, когда косил нас пулемёт
При переправе через реку,
Когда, устав толпу возить, Харон орёт:
«Где снисхожденье к человеку?!»
Тот пулемётчик, фриц, что видел пред собой
Куски разорванного мяса,
Гашетку бросил вдруг. Фриц? Сволочь? Что с тобой?
Откуда страшная гримаса?

Солдат сошёл с ума, почудилось ему,
Что мчится вместе с мертвецами
Вепрь Званский мой... вся шерсть в пороховом дыму,
С окровавленными клыками.

Гитара

Техника – знаю, *подстава*,
Кажется, будто полёт...
Главное – в общем, – гитара.
Пусть гитариста найдёт.
Слушатель тоже, найдётся.
Лес, поле, клевер и солнце,
Девушка, чтобы вздохнуть,
Сны, явь и жизненный путь,
Будет всё это – любое,
Небо какое-то там,
А иногда голубое
Сыщется к звонким струнам,
Сыщется к тёмному грифу,
Голос, ты пой облакам,
Что и они до-ре-ми-фа...
К вечным, скрипучим колкам.

Алёшина любовь

Чеку сорвав с лимонки, еле слышно
Шагнула тень: кто? Партизан Попов...
Тень горько плачет. Ночь, какие Пришвин
Любил, и Марк Шагал. Бревно домов

Серебряно. Осины голубые,
Качая в люльках ангелов – застыли.

Тень видит свет и слышит – граммофон:
В усадьбе... гитлеровцы... загудели,
До святла (утра). Псінай мовай (языком)
Пра што вась брэшуць немцы. Еле-еле

Тень не бежит туда... как ни хотел
Я, автор: «немец бдит и в темноте, —

Тень всхлипнула, – «не стоит на авось...
Что, Слав?... Туда пойти? Цьфу —... кінь, Слав... (брось)», —

И мой Алёша – скользь-да-втихаря —
К тому вон сруб, где он сам наличник:
«Когда-то», – всхлипывает, – «резал... зря!
Там Варька, тварь, скрути её родимчик,

З вялікім гузам ... (с шишкой) крутит страсть
Лимонка поскорей бы взорвалась».

Окно родимое с неярким светом,
Алёшке показалось, хату эту

Любил он крепче жизни на земле —
Там – Варин смех... там тени – на стекле
Рекс вынюхал, не забрехал, узнал.
Тень потрепала кобеля по шкуре,
И... звон, визг Вари, взрыв... как добивал,
Потом не вспомнит. По ночной фигуре,

Несущейся впотьмах, пошла пальба:
«Што ж, лёс пажыць» – (сиречь – «пожить судьба»), —

Алёша выдохнул в лесу. Светало.
Стал. Подавил желание упасть
На землю. Рядом белка цокотала.
«Дзе ж тот запал»? – шепнул он (Где ж та страсть?)

Алёшка незабудочков склонился
Нарвать. Веснушками – в букет вклеился.
Зязюлюшка кувала. Дзяцел бил.
«Не можа быць... я ж Варю разлюбил.

Я... не на весь свой, Славка, век влюбился»...

Коробок III Розы, солнце, день чудесный, паровоз пустил барашки

«Мечтал я, Слава Ладогин, дитя...»

Мечтал я, Слава Ладогин, дитя,
Стать плотником, по всей земли скитанцем,
Сруб клал бы – «в лапу», «в обло», – без гвоздя,
Гвоздём – сверлил шар в шаре, в тон китайцам,

В хвост – расписным пичужечкам – свистя,
Дарил свистки, пичуг вручал – все шансы
На детский смех, она ж... с ней... никогда!.. хотя
В посёлке за рекою сё-дня танцы...

Мечты-мечты, ау? Увы-увы,
...Ах, лишь отделывал столовку – рейкой
Я, в лиственницу гвозди загоняя,
Кусачки шляпку щёлк: «Гвоздя-меня», – я
Смеюсь, – «обкусят: чтоб не ржавел – с головы».
Гром... Бах – и в дерево скользнёшь – уклейкой.

Послесловие

Паровоз пустил барашки...

И. Уткин

Возвращённый во края,
Славка, пьяный певчей медью, —
Жив-я-жив... не верю я
В расставанье с хищной смертью!

Марш “Прощание славянки”
Отпевал мой век в саду

Паровозные баранки...
.....
...Дул Уткин-духовик в дуду.

По вагончикам – пехота,
Не читавшая стихи.
Вскорости в шеренгах рота,
Топоча, сомкнёт штыки.

Тамбура набились плотно.
Поезд свистнувши, пошёл.
От махры смотреть щекотно.
Кто не падаль, тот – орёл.

Бабка щёку утирает
Платом цвета кирпича:
«Всяко, Славушка, бывает —
Пуля любит сгоряча...»

Пуля – дура! Баба – дура!
А кто прав? – прав командир:
Прокуроченная шкура,
Но – с иголки мундир.

Принимая эти вещи,
В барабан бьёт бородач.
Кожа гулкая трепещет,
Повторяет: «Плачь не плачь...»

И Ося Уткин незабвенный
Пьёт сверканье из трубы.
И считает взгляд военный
Телеграфные столбы.

...Жив-то жив, да не верю я
В расставанье с хищной смертью.

Просека и просинь

Зеркальна меж берёз ты, осень:
Здесь просека, над лесом – просинь.
Не скажешь ли, где сам я есть,
На синем небе, или здесь?

Карадаг

Розы,
солнце,
день чудесный,
Райский день в Крыму
Высоко над синей бездной
В Водяном дыму.

Слух мой угости – свирелью,
Соловей в садах,
Покажись мне акварелью,
Спящий Карадаг,

Спит картинка, спит причуда
Горних и зыбей.
Не докатится досюда
Эхо зимних дней:

Розы, солнце, день чудесный,
Пушкин! Мы – в Крыму...
Высоко над синей бездной
В Водяном дыму.

Пастух (песня)

Спит за окнами ночью людское добро и зло,
Млечный путь коромыслом лежит у горы на плечах.
Плещет голос дождя, как рыбаچه в реке весло,
Серебро выплавляет рассвет во семи печач.

Пастухам ли днeвать, сожалея о вечерах?
Пастухам ли вечерять, печалясь о прежних днях?
Скоро утро. Спешат позаботиться о конях,
На хребты, чтоб не жгло седлом, положить чепрак.

Уж пора сквозь деревню погнать сонный скот в луга,
Чтобы в пении стада ночной небосвод прозрел.
От мычанья туман ползёт глубоко в лога,
Подставляет подпасок веснушки лучу, пострел.

Пастухам ли днeвать, сожалея о вечерах?
Пастухам ли вечерять, печалясь о прежних днях?
Скоро утро. Спешат позаботится о конях,
На хребты, чтоб не жгло седлом, положить чепрак.

Сон на Волге

То мне снилось: краснеет рябина,
Кормилица снегирей.

То приснилась, иссечена поркой, рабыня
Мне, в шрамах, невольница южных морей.

Мне приснилась приволжская вьюга,
Трюмы влажные корабля.
То снилось мне, воешь, как волк, как белуга,
Ты, пустая, покрытая настом земля.

И коснулся пронзительный холод
Проснувшегося лица.
И почудилось мне, что, как якорь, наколот
Крест Южный на сильном предплечье Творца.

Ох, всё чудилось мне, что молюсь я, что каюсь,
Что исповедь нежная – удалась,
Но грёза, как хлопнувший парус,
Куда-то спешила от глаз.

Спи ты, Волга – под толщей, под коркой,
Под серой фольгой льда.
Там снеgirные флейты, вороньи стада...
Там рябина кипит снегирами – над Волгой,
Древней флейте подобно.

Михайлов, Петров, Харламов

Не так ли и ты, Русь,
Что бойкая необгонимая
(хоккейная) тройка, несешься?
Дымом дымится *(лёд)*
Под тобою *(хоккейная тройка)*
(к пьедесталу почёта) дорога,
Гремят *(коньки, сожжены)* мосты,
Всё отстает и *(мы)*
Чемпионы (бит швед, и канада)
Остается *(ура!)* позади.
Остановился пораженный
Божьим чудом *(американец)*
Созерцатель *(обозреватель)*
Не молния ли *(петровский)*
Знаменитый бросок, что это,
Шайба) сброшенная *(прямо)* с неба?
Что значит это
Наводящее ужас движение?
И что за неведомая сила
Заключена в сих неведомых светом
(Михайлов, Петров, Харламов),
Трёх ужасных *(советских)* конях?
Эх, *(коньки),* кони, кони,
Что за *(ледовые)* кони!
Вихри ли сидят в ваших гривах?
Чуткое ли ухо горит
Во всякой вашей жилке?
Заслышали с вышины
(гимн Союза, иль пение певчих,
что в нем скрыто, как девочка в хоре,

узнаёте) знакомую песню,
(под доспехами) дружно и разом
Напрягли *(свои)* медные груди
И, почти не тронув *(коньками)*
Льда хоккейного, скользкой) земли,
Превратились в *(продление клюшек)*
Одни вытянутые линии,
Летящие по воздуху, и
Мчится, вся вдохновенная богом!..
(как легенда, хоккейная тройка)
Русь, куда ж несешься ты,
Дай ответ? Не дает ответа.
Чудным звоном *(коньков об лёд)*
Заливается колокольчик;
Гремит и становится ветром
Разорванный в куски воздух;
Летит мимо всё, что ни есть на земли,
И косясь постораниваются
И дают ей дорогу другие
Народы и государства.
Имя её, этой птицы хоккея
Михайлов, Петров, Харламов.
Говорит и показывает
Москва в телевизоре «Темп».
У микрофона Озеров.

...Вначале, я верую, слово.
Представь: до всего... до бабла!
Я зрел, как с иконы Рублёва
Хоккейная тройка пришла
В ледовом малиновом звоне.
Три клюшки – три тонких жезла
На средневековой иконе,

И вера в нас не умерла.
Что хочется, с Церковью делай
Но «Темп» черно-белый не врёт,
Как вера твоя в чёрно-белый
Крепка телевизорный лёд.
Потомок владетельных хамов,
Был я в телеикону влюблён —
Михайлов, Петров, Харламов,
Коньков тех – малиновый звон.

Широкая грудь с «ЭСЭСЭРом»,
Как молнии росчерк, бросок.
Над замершим в страхе партером
Священный летит сквознячок.
Как камня свист шайбы, о, кара
Давидова! Крах вратаря!

О, волшебная сила удара!
О, восторги, что вера не зря!
Даже тени не знал я сомненья
В чистой правде хоккейных побед,
Таково моё было крещение,
А иного, считалось, что нет.
Голоса про высокое благо
Часто лгут (что пятнает Христа).
Маргарита – с метлой, а в «Живаго»
Много прозы. Вся полупуста.
Не спеши дать оценок спесивых,
Почитатель рояльных вершин
Вспомни, Быков, чудесный отрывок,
В русской прозе такой лишь один:
Лёд дрожит, да вскрикнул в испуге
Остановившийся (*чешский защитник*)
И вон она понеслась, понеслась, понеслась!
(*Наша тройка: Михайлов, Петров, Харламов*),
И вон уже видно вдали,
Как что-то пылит и сверлит воздух,

(Это шайба, смотрите повтор)!
Не так ли и ты, Русь,
Что бойкая необгонимая
(хоккейная) тройка, несешься?

После вышла «Рублёв» кинолента,
И хоккейный развеялся сон,
Очевиднее нет документа,
Что летал тенью Троицы он.
...И хоккей наш, и Тройку из Гоголя,
И наш коврик а ля Васнецов
Взяли мы грабежом не у Бога ли?
Всё Твоё. Пощади наглецов.

Руки

Меня не брали в команду, почти – не брали...
И младше был я, и хуже умел – с мячом,
Когда им хватало людей, без меня играли.
Я был – «на пожарный случай», – «Я исключён,

Я лишний на поле», – страдание мне твердило,
И «тише, Танечка», – дразнил себя я, – «не вой», —
Пиная мяч, пока солнце не заходило,
Настропалялся ловить его головой,

И вот однажды я выскочил из защиты
На правый фланг, и повёл, повёл мяч, пошёл...
И пас был на левый край... И летит, обшитый
Верёвками, мяч, тут-то я – головой, и... гол,

В девятку сладко попасть. Мяч попал в девятку.
Признание смущало. Все хлопали по плечам:
«Как Славка наш вмазал!» – а Славке почти не сладко.
А Славка гулял, только где вот, не вспомню сам.

Уж не по душе мне играть ни в единой сборной,
И новый придумал футбол я в сердце моём:
Выходит один на поле с душой упорной,
И все двадцать двое играют с одним игроком,

Где чисто играют, а где «подкуют», попинают,
Где в спину двумя руками толкнут на бегу,

Где слово обидное скажут. Игрок же играет.
Я сам тот игрок. И ни жалобы, ни гугу.

Понятно, что в этом поле одни лишь ворота,
И ясно, что сложно забить в них победный свой гол,

Но если забьёшь, «победил Слава Ладогин». Вот как.
«Зачем же?» – спросил я себя и ответ нашёл:

В том матче, где гол я забил головой в девятку,
Я руки увидел – из воздуха – взявшие мяч,
И внесшие в угол, и дивно мне стало, и сладко
От их красоты, и огонь в моём сердце горяч.

Я не знаю, что нужно, чтоб я их увидел снова,
Но думаю, нужен почти невозможный гол,

И если я прав хоть на ноготь, то, честное слово,
Нет лучшей игры, чем Ладогинский футбол.

Вся русская улица в песню свою,
С надрывным при том ещё голосом?
Возможно, у всех нас характер такой», —
Сказал я водителю, — «Кажется
В России всем – пропасть, мол, передо мной,
Бултых... и кровавая каша»...

3.

«Возможно, вы правы», — водитель вздохнул
Остатком вчерашнего Бахуса, —
«Бывают такие дела... ну и ну...
Но в пропасть нельзя вдруг – шарахнуть.
Мне всякое видеть случалось: в делах
Ограбят, побьют... сами знаете...
Забрали машину – пусть не Кадиллак,
Однако – модель... и куда идти?
...Нет, надо терпеть, одолеешь беду,
И жизнь рассосётся коварная.
Да вот я, хотите? – пример приведу,
Как смерть наступает бездарная?

4.

Мой друг, одноклассник, сказал мне в году...
(Лет десять назад, или менее):
«Всё. Жизнь холостую имел я ввиду,
Один не хочу – как растение!

«Женюсь!»! – «А на ком»? – Называет одну.
Ту женщину знаю, и тесно я.
– «С ума», – говорю, – «ты сошёл, маханул,
Штамп негде поставить. Известная», —
– «Молчи», – говорит, – «Здесь любовь у меня,
Не путай меня, я распутался».
– «Тогда сам решай», – говорю ему я...

Женился. А эта распутница
Беременная, представляешь, пила
Коктейли из банок поганые,
Курила одну за одной... Ну, дела...
Представляете: роды-то пьяные!

5.

...Рождается девочка. Мать только пьёт,
Муж деньги приносит, в работе весь.
Представьте, ребёнку пошёл третий год,
И вышло, опростоволосились —
Ребёнок глухой от рожденья у них,
А мать и не знает, гулящая.
Представьте, в каком настроенье мужик,
«Любовь ведь», – твердил, – «настоящая»...
Забрал он дочурку, – «Живи», – говорит, —
«В квартире моей, да развод мне дай».
«Знай, я отравилась», – она звонит,
Вот рыбка ж какая... даёт!.. минтай.

6.

И нет бы сказать ей: «Бросаю пить»,
И нет бы сказать: «Дорогой, прости»,
Пришлось этой маме в могилке сгнить,
На пьянку таблетки – и не спасти...
Хотела пугнуть, а не вышло пугнуть,
Рвало, а отраву не вырвало.
Вот вы мне скажите, ну разве не жуть,
Ну разве не дура, чувырла-то?..

7.

Вожу теперь девочку я в интернат,
Чтоб как-то помочь однокласснику.
Да, пропасть, вы правы, на первый-то взгляд,
Жизнь – пропасть, и тут не до праздника!
А надо же – как вы считаете? – жить!
И завтра встречать, может, хмурое,
Не прыгать по пропастям, зря не блажить,
Не быть, извините, но дурую...
А как эту пропасть порой миновать,
Не знаешь, стоишь, и шатаешься...
Других что́ учить? Самому не понять,
Хоть честно страдаешь, пытаешься.

8.

Вот, взять для примера (я лично свою)
Как есть, расскажу пропасть тёмную:
Я пью, очень редко. Но если уж пью,
То метко. Уж начал, так ё моё...
Однажды я выпил... не знаю сам, как
Добрался домой после этого.
Проснулся. С похмелья пылает чердак.
Мутит не шутя. Сигарету бы.
Влез в сумку к жене (она в смене была,
Такая работа – посменная)
Чужая сим-карта в ладонь мне легла.
Будь трезв, говорю откровенно я,
Я б эту сим-карту, уверен, забыл,
Но тут в мою пьяную маковку
Втемяшилось. Вставил. Себе позвонил.
И разоблачил свою лакомку.

9.

Звоню генералу из органов: «Слышь,
Пробей, кто хозяин мобильника.
По гроб должен буду. Пробил он. Тот шиш
Работал с ней вместе. Как миленько!
У всех нас, кто в бизнесе, есть на крайняк
Любая печать, сами знаете,
На всякий на случай... И я не дурак.
Что нужно? Нотариус. На тебе!

10.

Всё нотариально – доверенность есть —
«Друг болен, нужна распечатка мне
Звонков» – распечатку дают в МТС
...Звонки в тот же номер десятками.
Всё ясно мне стало. От злости дрожу:
Жена, не посмей отпираться ты!»
«Зачем», – говорит, – «я к нему ухожу»...
Вот, знаете, рада стараться-то!
Как всякий мужик, я беру пистолет,
Который у всех нас в зажатнике,
Звоню её хахалю, мол-де, привет.
Примчал. Он сидит на багажнике,
И пьёт из бутылки коньяк – из горла.
«Убью» – я сказал, – «И беседа пошла».

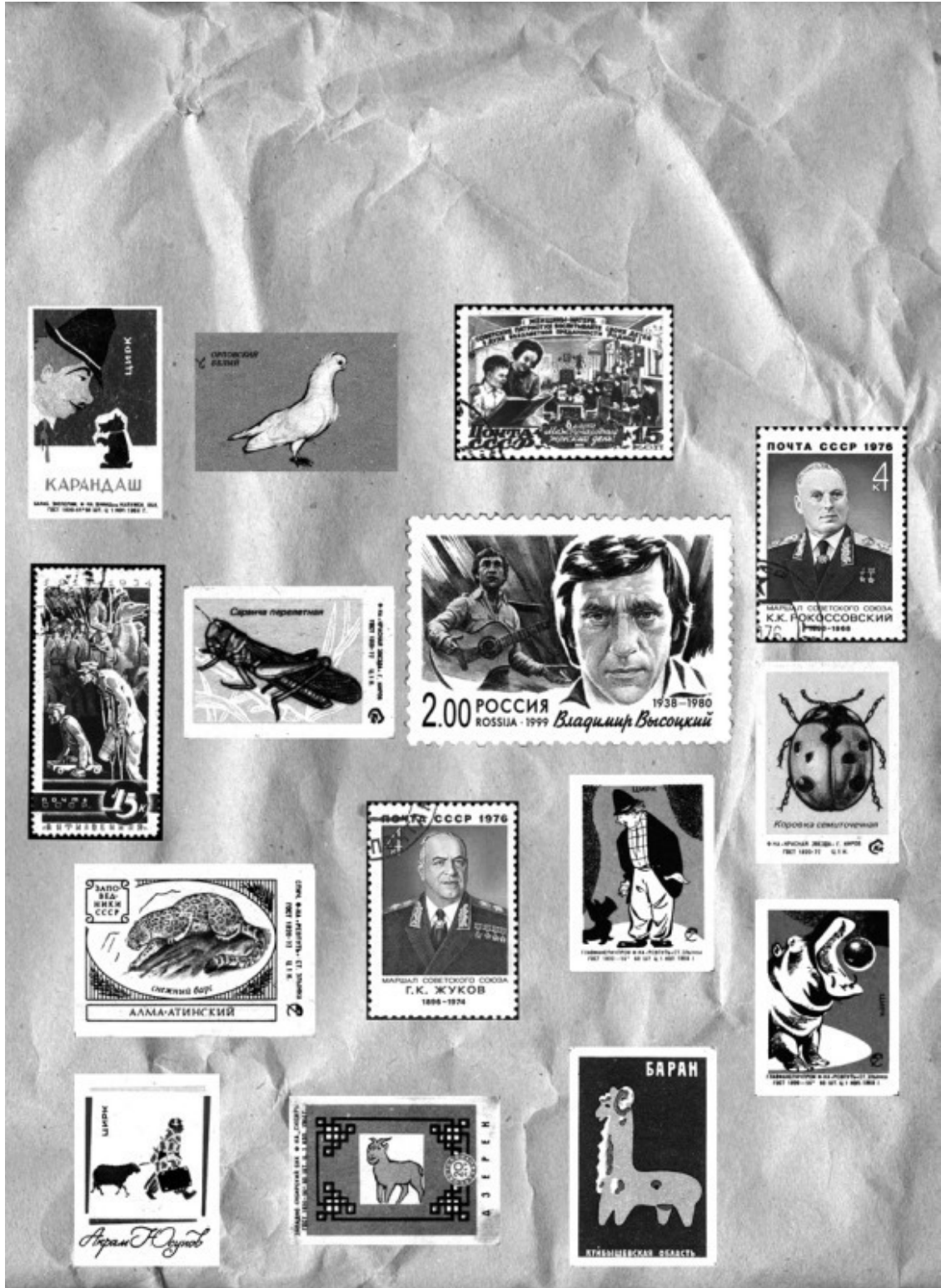
11.

Жена оказалась ему не нужна
Иначе, как для развлечения.
Осталась со мной... но не спим ни хрена
Два года, и нет излечения.
А как излечиться? Не скажете вы,
Как в пропасть не рухнуть проклятую?
Два года. Два года. И чтобы не выть,
Бомблю по ночам, зарабатываю.
«У пропасти», – в песне поётся, – «стою»,
И чтоб не упасть в неё, водку не пью.

12.

Прощаемся, вышел, и пропасть в тот миг —
Открылась мне в пламенной ярности...
Вот, ты, моя радость, не любишь моих
Народных баллад за корявости...

Коробок IV Я только выпалил в упор

Татьяна-солдатка

В леденистый впилась глазок
Солдатка моя – из трамвая, —
Взгляд собаки. Чертя вензелёк,
Бледный палец во рту согревая,

Видит мужа: наружу видны
Крест и – тельник его полосатый:
Как пришёл муж с поганой войны,
Так и пьёт, изувечен гранатой,

Водкой... злое, седое дитя,
С невидящим взором Эдипа —
По насту елозит культя:
«Охти, Батюшки, не было б гриппа...

Хоть пальто б застегнул, идиот», —
Молча Таня глазами стенает;
И проталок на стёклышке – тот,
Бывший в первом стихе, застывает.

Как контрактник сошёл с ума (Песня Высоцкого)

Я батьку нет, не воровал
У сына, честный мент – не вор!
Его я нет, не убивал,
Я только выпалил в упор,

Поскольку он, поскольку он
Мне помешал бежать вперёд,
Курок я дёр-ргаю, патрон
Боёк под зад, по гильзе, бьёт,

И руку дёр-ргает мою
Нагретый ствол, а тот, а тот,
Кого я даже и не бью,
Разинул рот, разинул рот.

Вот, завершился мой контракт,
Вот, поправляюсь дома я,
Смотрю, в домашних зеркалах
Моих там личность не моя,
В стекле передо мною тот,
Открывший рот, открывший рот.

Он говорит: «Ты знаешь, брат,
Я понимаю твой мотив —
Квартплата, пища, детский сад,
Всё это твой большой нарыв,
Вот пуля в голубом дыму
Вошла мне в сердце почему».

Он говорит: «Ты веришь, брат,
Я сам такой, я сам такой,
Мой сын ходил бы в детский сад,
Он вечером бы – был со мной,

Но жаль, что вышло всё не так,
Не вынес детский сад двоих,
Вот потому я в зеркалах,
Я в зеркалах теперь твоих».

Ответил я: «Понятно, брат,
Что ж, на войне как на войне»...
А он глядит, и этот взгляд
Пробил, как пуля, сердце мне.
И мой открылся в крике рот,

И сам я стал теперь как тот...

Меня он нет, не убивал,
Он просто выпалил в упор.
Он разве детство воровал
У сына?.. Честный мент не вор.

Шея

Смотрю в глаза твои. Глупец ты, брат,
«Хрен», – о жене сказавший, – «с нею»...
Муж – голова, так что ж. Её – когда казнят,
Я говорю – перерубают шею.

Коза Манефа

Двое прохожих:

1-й.

Ба! Прошёл инженер Мартемьянов, ягнёнок в истерике.
Сын убийцей ославлен!

2-й.

– Вы тут не открыли Америки.
Уголовное дело на Ваню, сынка, завели:
Сжег из ревности женщину сын.

1-й.

Что ж, улики нашли?

2-й.

Нет, улики не нашли.

1-й.

Что ж?

2-й.

Как, что? Донимают давлением.

1-й.

Как тут не посмотреть на отца – ну, скажи с сожалением!

Вздыхает. Идёт Мартемьянов в штатском, потом Полковник.

Полковник

Инженер Мартемьянов!

Мартемьянов

Полковник? Я... нет, не припомню.

Полковник

Ежли даже и так, инженер, попрошу, инженер, честь отдать.
По уставу положено. Просверлите, как в той иконе,
Взглядом дырку во мне.

Мартемьянов, прикладывая руку к кепке:

Всё ж, не видел я вас никогда.

Полковник

Вы не знаете, кто я, вы впредь никогда не
узнаете.

Мартемьянов

Да. Так точно.
Зачем же я вам?

Полковник.

Ну а сами то как, господин инженер, вы считаете?

Мартемьянов

Я не знаю.
Не знаю сам.

Полковник

Не виляйте. Всё знаете.

Мартемьянов

Я? Ни на столько понятия (*показывает*).
Наконец... что ж стряслось?

Полковник

ТЬфу! Какая ж вы все, инженер, бестолковая братия.
Вас бы сечь... да от глупости вашей вся выдохлась злость.

Мартемьянов

Я вас не понимаю.

Полковник

Да вы ж не хотите.

Мартемьянов

Пытаюсь.

Полковник

Мы стоим тут и шуримся, хитрые, как бы китаец,
А сынок ваш, debil,
Человека взял, и убил...

Мартемьянов

Что? Как?

Полковник

Сядь да покак! Двух на даче убил.
Сжѐг из ревности.
Я вас спрашиваю, у мальчика – где моральные ценности?
У мальчика – где понятие, где воспитанье? Молчать!
Где у парня оно?

Мартемьянов

Я...

Полковник

Молчать, пока зубы торчат!
...Так-то вот, инженер, ничего-то вы мне не ответили.

Мартемьянов
Я...

Полковник
Молчать, воспитатель убийц! Зря даны были дети вам.

Мартемьянов
Ничего не доказано.

Полковник
Верно. Дом вспыхнул, и всё тут.
Пусть твой сын на себя донесёт.

Мартемьянов
На себя донесё-от?

Полковник
Вот и всё моё дело к тебе, инженер Мартемьянов.

Уходит. Мгновенно Мартемьянов оказывается в своей кухне.

Мартемьянов
Жизнь прошла. Видел многое. Но... поищи, брат, баранов!
Где улики, улики же правду одни говорят?
Нет, любезный полковник, не выйдет такой твой расклад.
На-кось, выкуси, Ванечка не виноват.

Проходит три дня. Мартемьянов опять в кухне.

Мартемьянов
На-кось выкуси, накося выкуси, выкуси накося!
Ишь ты, выдумал пакости, вишь, тебе нравятся пакости...
Сын... на даче... поджёг пьяниц двух!
Ну а кто их спалил? Хоть – злой дух!
Я встречался не раз – с чудесами,
Даже было, что жгли себя сами.
Ты вот, только, при чём тут, сынок?

Генерал, входя:
Я намучился жать на звонок.

Мартемьянов
Не фурычит он... вы? Как открыли?..
Генерал... но полковник – не вы ли?

Генерал

Вы?.. Вчера генералом являлись ко мне, что вы мелете!

Голос.

Я повышен. А вы, запасник, мне дерзить как вы смеее!

Мартемьянов

Виноват.

Голос

Живо Ваню в охапку и рысью к ментам.

Мартемьянов

Есть. Р-шите идти?

Голос.

Да, ступай! И смотри... Вот я вам!

Мартемьянов

Собирайся, сынок, мы уходим с тобой по приказу.

Как придём, так узнаешь, куда, чтоб не всё, друг мой, сразу.

Уходят.

У дверей кабинета ожидают Мартемьяновы, вбегает бабушка.

Бабушка.

Ой, коза! Ой, Манефа-коза, подожгла, дура, дачников,
Да сама и сгорела... глупа да бодлива была.

Мартемьянов

Что, какая коза?

Бабушка.

Смерть в огне. Помнишь прессу про двух неудачников?
Их Манефа моя, то бишь дура-коза подожгла.
Зацепила проводку рогами и, милушка, вспыхнула,
Погорела, весь дом погорел.

Мартемьянов

Говорите, Манефа-коза их убила? Неслыханно!

Сыну:

Что смеёшься, пострел?

Входит в майорском кителе тот, что был полковником, генералом и маршалом.

Бабушка

Вот, товарищ майор.

И улика – рог правый, обугленный.

Майор.

Подожди ж ты с уликами, дай же открыть кабинет.

(Возится с ключом)

Мартемьянову:

Да, разжалован я! Был фигурой, вот, сделали пугалом,
Но зато ваш сынок получил на свободу билет.
Что вы смотрите? Вон! Я сказал, вон отсюда, проклятые,
И смотрите, чтоб не попадались, не то вот я вас...

Бабке:

Проходите, гражданка... Так что там Манефа, коза твоя?
Каб осталась жива, я бы ей надавал по рогам.

Скрывается с бабкой в кабинете, в руке обугленный козий рог.

Мартемьянов

Что ж, Ванюша, пойдём, видишь, как наша жизнь переменчива,
Хорошо, что сгорела коза, а иначе бы швах.
Кто же знал, дорогой, что так глупо умрет твоя женщина?
Что ты чувствуешь, Ваня?

Сын

Не выразить сердце в словах.

Стремительно убегает.

Мартемьянов

Он живой! Сын живой!

Удаляется, пританцовывая.

Выходит из кабинета бабка, крестясь, семенит прочь.

Дверь открыта. Кабинет пуст.

Двое прохожих:

1-й

Да, представьте, вот так-то недавно сынок Мартемьянова
Был спасён от решетки козою Манефой внепланово.

2-й

Чего не бывает!

Проходят мимо.

Русский плут (фрагмент)

Бессовестный, бессовестный,
Смешной и жуткий шут,
Скажите, кто он, собственно,
Новейший русский плут...

Вавилонская Давалка (стихи о современности и о современной поэзии)

*Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей...*

* * *

Кто скушен мне? В ком постоянства нет,
В ком дышит жизнь ни шатко, и ни валко,
Тот (дворник ли, политик он, поэт) —
По сути – вавилонская давалка.

Ни обречённый, тусклый свет звезды
Меня, боюсь, в давалке, не волнует.
Ни принцип, ни хвостом туды-сюды,
Ни против ветра, ни куда подует...

Каков – как человек?.. – о, не бездарен,
Всем (по метле, политике, стихам)
Даст фору, здесь – свой парень, тут, глянь – барин,
Умён? – почти... в ошибках не упрям,

Занудливый? – ... всё ж будит интерес,
Жаль, леноват? – всё ж, вместе с тем – проворен,
Все: Чацкий, и Молчалин в нём – Печорин,
И Гамлет, есть А. С., и есть – Дантес...

Зевс, Посейдон есть, Аполлон плюс Пан,
Чуть пьян, и трезв, чуть жив, чуть не упал,
Слегка официальный, и... опальный
Чуть не добрёл до мысли шедевральной,

Чуть любит чуть друзей чуть-чуть своих,
Чуть не блюю, признаюсь, от таких:
Чуть холоден, чуть-чуть горяч, вестимо,
Чуть поглядел, и мимо, Данте, мимо...

Отец: «Кем хочешь», – дочке как-то раз
Сказал, – «ты стань, всё ж, знаешь – не давалкой».
Ни пошрое тщеславье, ни отказ,
От мелкого тщеславья жалкий,

Ни принцип, ни хвостом туды-сюды,
Ни против ветра, ни куда подует,

Ни обречённый, тусклый свет звезды
Меня, боюсь, в давалке, не волнует.

* * *

*Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей...*

Визит аса

Сняв гермошлем, на крыльях озорной
Влетел Ас Пушкин, «как поэт к поэту»
В дом Ладогина. Вынул сигарету,
И воздух задымил передо мной.

Понятно же, я кашлял и дрожал.
Дым Пушкина по комнате клубился.
Он сыпал на пол соль, он ел с ножа,
Он цвёл геранью и в стаканы лился.

Я так себя вести, как он, хотел,
Я даже (вздор, но!) танцевать пытался.
Он бабочкой по комнате летел,
Он кошкой по гардинам забирался,

Мне кажется, что я ему грубил.
Табачный дым он скатывал в клубочек,
И всовывал мне в рот, он столько ровно был,
Пока хватило на шестнадцать строчек.

Бык, Лев, Мартышка и Ёсич Суслик (Исповедь охранника)

*Дело было в Москве. Ох, Москва, тебя звать – Вавилон,
Где занятого вдосталь. Здесь каждая исповедь – книжка,
Всю Москву не прочтёшь. Собутыльник мой нынешний – вон—
Здоровенен, а хныкает, как – вороватый мальчишка,
Что таскает варенье у мамки. Непросто ему:
Исповедаться пьяно в Калашном, в шашлычной, в дыму,
Говоря, он неполную стопку крутил, всё елозил руками.
Эту исповедь я записал, как умею, стихами.*

Рассказ «Быка»

1.

«Славка, Суслика предали мы»!.. —

рюмзал бык, – «объяснить? —

В девяностых – все мы приподнялись на сосках-пустышках». —
Шумный вздох, – «да вот, хрен, подкузьмил нас «зелёный» кредит,
И доверчивость, знаете...

К слову, о сереньких мышках», —

Крякнул бык, – «Славка, я ведь о нас – в рот нам ты не пальцуй,
Фигу выкусим наискось! – Мышки», – он мыкнул, – «козлисты,
А без кошек – особенно», – по столу стукнул, – «хоть злись ты,
Хошь пляши на носу корабля или... собс-ном носу,

Капитан, улыbnитесь», – мой бык проревел, – «вами песенка спета.
Вы доверчивы к вашей команде? Что ж, море пожрёт
Ваш корабль», – (пьяный «чих»), – «ни привета в волнах, ни
корвета,
Сага пишется золотом на этикетке от шпрот...

2.

Мы наваривались в связке – клейкой – с героем рассказа,
Спрос на соски пустышки пёр ахово, цвёл оборот.
Оголев, налипала – рублишками впятеро – касса.
Огорчила фортуна, зря все чаяли – в горку попрёт —

Пшик... иссяк к девяносто восьмому берёзовый сок.
Ты кромсай, ты вгрызись в бересту, не докусишься – в мае.
Славка Ладогин, помнишь ли, доллар в те дни всполз, высок —
Просто выстрел в висок, чушь, ламбада светил чумовая.

...Вот и предали мы – ртов лавина ж – по лавкам гудит! —
Это мало, что предали – мы распилили остатки.
И не отдал наш Ёсич кредита, и чисто в девятке,
Как сказала завскладом, умчал его нохча – бандит.

Говоря это, вдруг поднял, как у младенца больного
Бык глаза на меня... и – давай наливать водку снова.

Ну так, Суслик на днях отзвонился... прошло десять лет.
Всем – и Лёве, и мне, и Мартышке... зовёт на обед.

3.

И вздохнул неказистый гигант, как грудное дитя...
«Мы с Сусликом встретились с гаком лет десять спустя», —
Зашептал покаянно, – «на рынке одной из окраин,
Где, знаешь ли, с рыбой живой то ли чан, то ль бадья
Пластмассовая», – пьяный кашель, и всхлип... – «встал хозяин:

– Нам парочку карпов вот этих, красулей, – давай» —
Так Ёсич носатому весело кажет кавказцу —
Сегодня мы рыбу, апостолы! Не унывай,
У нас Благовещенье, мы протчую вкусность на Пасху...

«Хатите, два штучка пачищу за сорок рублей», —
Спросил нас носач. – «Да, почисть. Только раньше убей»...

*Тут паузу сделал «апостол» и водки глотнул,
Потом продолжал на корявом своём воляпюке,
Простецком московском жаргоне трындеть, так заёрзав, что
стул
Под ним заелозил по кафельной плитке, и звуки
Мешали мне слушать, но я не сказал ничего,
Я ждал чуть брезгливо, чем кончится притча его.*

Охранник продолжает:

4.

«Ну... Ёсич поморщился: «Участь я вижу мою» —

*Качнул стул скрипящий и плешь очень низко нагнул.
Мне – страх – его слог неприятен, но повесть такую
Не вдруг позабудешь, вот, я её и – публикую.*

Октябрь

Октябрь, и мох,
Октябрь, и лист засох.
Октябрь, и вздох,
И на дверях замок.

Сейчас ко мне
Навстречу порх! – глухарь,
Вьявь, как во сне,
В березовую хмарь.

Весом глухарь,
Свистит пером, поёт,
Так ты в декабрь
Впорхнёшь, пугливый год,

В снегах мы так
Расстанемся с тобой,
Как в березняк
Он скрылся молодой —

Поёт перо,
И в ямб мой просится,
И свист вдоль про-
секи проносится.

Октябрь, и мох,
Октябрь, и лист засох.
Октябрь, и вздох,
И на дверях замок.

Клубы небес,
В которые глядим
С тобой мы, лес,
Напомнили мне дым...

– Течёшь ты, дым,
Куда – над головой?
– В сухое ды-
ханье синих хвой,

И всех, мой свет,
Я всех влеку туда,
Где станет след
Оленя – рюмкой льда,

Где светом снег,
Где тенью снег прошит,
Где человек
Живой звездой дрожит,

Там так легко
Звезда пройдёт пешком:
Прошла звезда —
На белом ни следа.

...Октябрь, и мох,
Октябрь, и лист засох.
Октябрь, и вздох,
И на дверях замок.

Псалом 54 Асафа

1. Ты же вопль ягнёнка слышишь? Боже мой, овцу призри!
2. Так я плачу – грудь не дышит, Боже, зябко изнутри.
3. Лихие люди надругались, враль напраслину сказал,
Стаей на меня поднялися – бесстыдные глаза.
4. Сердце-трус затрепетало, и я в горле чую страх,
5. Силы духа не осталось, темень тёмная в глазах.
6. Вот тогда я – дай, взмолился, – Ты мне крылушки, Свет мой,
Мне бы белою голубкой стать, лететь бы на покой!
7. Так я с воплем этим бегал – да в пустыню прибежал.
Слышишь?
Стал я, Спас, тебе молиться, чтоб Ты дух унял тоски,
Чтобы скрыл меня от бури.
8. «Потопи их», – я вскричал.
«Как на башне вавилонстей раствори их языки»!
Видел в их кремле поганом я поруганный закон.
9. Ходит, охраняя зло, дозор с поганым языком.
По стенам он Днём и ночью ходит-бродит крепостным.
10. А их площадь – вор на воре, сплошь бесстыдство, злой со злым
Пререкаются.
11. Если б злой меня обидел враг... сердечно оскорбил,
Растоптал, возненавидел бы, себя превозносил,
Я стерпел бы, убежал бы я, в сердцах, обиду скрыл,
С вражин станется!

Припев 1:

*Свет мой, законы Твои нерушимые я как сладкую музыку пел.
Пою с каждым шагом пути моего,
И шагам не положен предел.*

12. Да меня ж подвёл товарищ, друга сердца своего,
С кем делили хлеб насущный, были ж – два за одного,
С кем я в храм ходил Господень, с кем я вместе песни пел,
Я стерплю обиду вражью, чтоб товарищ – не стерпел:
Дрянь, раскается!

13. Да постигнет вас кончина, возьми заживо вас ад,
Кто живёте, как скотина, кто лукавы все подряд!
14. Так я истово молился, и ГромoСвет меня слышал.
15. На ночь спать я не ложился, чуть рассвет – молиться стал.
Да услышит же!
16. Душу Гром избавит миром – от несущейся толпы.
Ох, и много же вас было! Ох, скотинища, жлобы!

Припев 2

*Слышал я Твоё имя ночью, в кромешной не спал темноте.
Сохранял я глагол твой мощный и в бессвязной ночной мечте.*

17. Он услышит, усмирит, вы ж сами не меняетесь,
Раз уж вы, мерзавцы, Грома больше не пугаетесь.
Гром накажет же!
18. Вот уж Бог над вами пальцы простирает в небесах:
А зачем грешить, мерзавцы? Почему забыли страх?
Козы подлые?
19. Разбежались козы, бляя, напугались, дрожат,
Но потом подкрались ближе: мёд во рту, а в сердце – яд.
Львы голодные!

Припев 1

20. Возложи, как я, на Бога все печали в трудный час,
Пусть уйдёт с души тревога. Он в изгнание кормит нас
И крепит наш дух.
21. Гад коварный, кровожадный – враль полвека не живёт.
Он убит, чтоб неповадно людям! В небо верит тот,
Кому мил-хорош – Пастух.

Припев 2

Четырёхстопный ямб-паровоз

Парить – нельзя, спасенья нет
В тебе, в простом, в четырехстопном,
Мне ж – легче... слаще было мне
С твоим пыхтеньем допотопным!..

Я, Ладогин, любил гудки,
Колес шумливые хай-хэты...
К платформам ледяной тоски
Составы подавало лето,

Меня ты вез, как паровоз,
Ты объяснял свой ход свистками
(Пусть, пусть вокруг трещал мороз,
Ведь из трубы – взрывалось пламя),

Твой белозубый кочегар
В чужом, старинном гермошлеме
Хохмил сквозь явный перегар
В слоготонической системе.

Уплыл перрон, вон там лесок
Как будто стал приметно ближе.
Беспечный детский голосок
Сказал кому-то: «Погляди же!»...

А я читаю адреса,
Где нам расписана – стоянка,
Вдали – дворняжка, хвост-баранка
Отстала в степь от колеса.

Меня поразило лицо Перельмана

Гой ты ж, Ванрем Брантрейн, свето-тене-пират,
Мой Голландец летучий, когда б ты, мой брат
Помог, я отдать бы рад воздух кармана...
Меня сокрушает лицо Перельмана.
Закрась серых сфинксов, брат, с ними – Неву,
Закрась льдины – звёзды на синем плаву
Весеннем.

Кувырк чайки охтинской, снежной,
Как сахарный кус туч – тех туч, над Манежной,
Что – вечные, странные овцы у звёзд,
Замажь кистью масляной Аничков Мост,
Коней, да парней, да решётку, да воду,
Закрась ветку липы, что бьёт в непогоду
В окно Петроградской страны... стороны...
Закрась все детали, не больно-т важны.

Крась в чёрное лишние грани стакана,
Одну ж – до холста растащи, до экрана,
До жара божественной лобной кости,
До глаз. Дай им блеск. В масле кисть опусти,
Возьми карандаш, лучше уголь из печки,
От черепа чёрные пряди, колечки
Со скрипом твори – корни скул с бороною,
Упрямые губы, две складки с бедою
В углах нарисованных губ говорящих...
Чтоб вышла одна из холстин настоящих.

.....
.....

Как выйдет – ты влажную тряпку возьми,
Отмыть чтоб – замазанный город с людьми,
Сотри мне всё масло с мостов рыбоспинных,
Избавь град Петров от плетей паутинных,
С волков, и хорьков, и ворон, и курей
Три, три, друг, фальшивые маски людей.
Согласен, пусть город стал выглядеть странно.
Мне жизнь изменило лицо Перельмана.

Вахлак на пепелище

*Кто живёт у Комсомольской, пьесу Горького «На дне»
Может в школе не учить: житьё вокзальное
Тут науки заменяет: вот, скажу, попался мне
Кадр из песни русской, где «Дорога дальняя».
Крикнул кадр: «Я Скобкин Фёдор, в Кремль я, Сталину пишу,
Против русского народу прекратить террор прошу»...*

Пачему ви на вокзале? – те, кто всё у нас отняли... —
Спрячат волки у ягнят для волчьей гласности!?
Вы обули тех, кто – босы: фокус-покус... Есть вопросы?
Бомж – к услугам комитета безопасности!

*Так вопил вахлак... в лицо мне – в тренировочных штанах
С грязно-белыми лампасами по синему
Трикотажу, артефакт читал письмо – в таких тонах,
От которых вяли уши, прям... простим ему,
Я прощаю – так забавно он, потешно излагал
По безграмотной бумаге правду странную.*

Видишь – пламенное море? – пёс собачий! – нефть окрест...
Нас, бомжей, не покоришь ты... Нако-сь!.. Выкусил?
Ты сгоришь, собака, вскоре – право слово, честный крест:
За тебя мы даж-джин-тоника не вы-со-сем!

Про то – тебе решил я, Сталин, Джугашвили, написать,
Да – в Кремль направить, Фёдор Скобкин, бомж – послание:
Хоть нас в сортире замочи, на твой КАГАЛ мы станем – ссать,
На том – привет, Виссарионыч, до свидания.
Бомж Фёдор Скобкин.

*Бомж закончил, сделал паузу, и снова закричал
Тот же текст поддельным голосом Высоцкого...*

*Шёл народ, кидал рубли, цедил слова по мелочам:
«Пьян, голуба, вон, письмо в руке трясётся-то»...*

Чертополох

Мне душу ветер смял. Расхристана аллея
И утро шелестит русалочьим хвостом.
Какого я рожна свой оставляю дом,
С Авророй расстаюсь, от сантиментов млея?

Дрожание струны, и деки долгий звук,
То чаек перезвон под музыку прилива,
То перебор души, то электрички стук,
И мгла прозрачная, и погнутая ива,
И распрямлённый путь, холодный и пустой,
И бессердечие горизонтальных линий...
И как чужих, ресниц коснётся ранний иней,
Мех электрический раскрутит ветер злой,
И Славку Ладогина тот чертополох,
Что у обочин царскосельских вырос,
С корнями вырванного, понесёт на клирос,
Чтоб звучно утверждал, что мир не так уж плох.

* * *

Чертополох, катись по голому пути,
Корнями постигай дорожную щебёнку,
Попавшись под ноги то даме, то ребёнку
(От их жестоких рук и зверю не уйти),
Свой плащ оборванный, потрёпанный дождём,
Носи с достоинством, вкусив покрой босяцкий.
Не быть гвоздикой на кофточке у цапки,
Не быть судьёй грибам и гусениц вождём,
Но – безоглядно вдаль, по колющей стерне,
Туда, где губы дня смыкаются у края,
И между них горит росинка золотая.
Где вянут все цветы. Где я подобен мне.

Неосвящённый кулич

Знаю случай про неосвящённый кулич. Отчего
Для героя не хуже он, знаешь ли, был моего.

Иногда – как возможно – о людях простых рассказать
Без, так скажем, лексических вывертов из просторечья?
Боже мой, не сердись, что я знаю, откуда их взять.
От иной простоты не уменьшится кротость овечья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.